

АРКАША КАМАНИН ★ АЛЬБЕРТ
КУПША ★ МАРКС КРОТОВ ★ КОЛЯ
РЫЖОВ ★ ВОЛОДЯ ЩЕРБАЦЕВИЧ ★

Аркаша КАМАНИН

День рождения Аркаши праздновали весело. Прилетел из Москвы крёстный, дядя Миша, так звали у Каманиных Михаила Васильевича Водопьянова.

Все мальчишки завидовали Аркаше: папа — знаменитый лётчик, дядя Миша тоже знаменитый лётчик. Он и папа спасали Челюскинцев — снимали их с льдины у самого Северного полюса. И дядя Миша, и папа стали первыми Героями Советского Союза вместе с лётчиками Ляпидевским, Леваневским, Молоковым, Слепнёвым и Дорониным. И все они были папиными друзьями, и их всех знал Аркаша. Но он никогда не задирает носа, не воображал. Ему хотелось поскорее вырасти и тоже стать лётчиком...

Дядя Миша вручил крестнику необыкновенный подарок — полное лётное снаряжение: белый шёлковый подшлемник, настоящий кожаный шлем, кожаную безрукавку-телогрейку и маленькие, но настоящие меховые сапоги — унты...

Ребята так и ахнули: трогали руками, примеряли... Аркадий радовался вместе со всеми такому подарку...

А на другой день со своим другом Димкой он был на наблюдательном посту — на крыше сарая. Они давно уже тренировали себя по звуку определять, какой летит самолёт, какой лётчик будет делать посадку или взлетать: аэродром рядом, да на него не пускают. Вот сарай — наблюдательный пост. — И охо-

та вам, ребята, торчат на крыше, — заметил как-то отец Димы, старший авиационный механик сверхсрочной службы, Андрей Михеевич Кротов. — Всё равно ничего не увидите и не поймёте...

— А мы уже всё изучили, — ответил Аркадий.

— Вот как! — усмехнулся Андрей Михеевич. — А ну, Аркадий, скажи, какой самолёт пошёл на посадку?

— Истребитель «Чайка», а делает посадку командир звена Лосев.

— Верно. А как угадал?

— Совсем даже не угадывал, — ответил Аркадий. — Лосев перед посадкой всегда делает «горку», а вот командир эскадрильи Невродов обязательно на самых больших поворотах пронесётся на бреющем, низко-низко.

Кротов одобрительно покачал головой.

— Дядя Михеич, хотите, закрою глаза и по звуку скажу, какой летит самолёт: истребитель, разведчик или бомбардировщик?

— Неужто скажешь?

— Скажу, честное пионерское!

— Давай, сейчас проверим.

Михеич забрался к ребятам на крышу. Дима завязал Аркадию глаза платком. Было видно, что на взлёт пошёл большой самолёт. Когда он пролетел над крышей сарая, Михеич спросил Аркадия:

— Какой летит?

— Разведчик, он же скоростной бомбардировщик, — ответил Аркадий.

— А может быть, транспортный? — переспросил Михеич. — Нет, у транспортного моторы другие и звук другой.

— Молодец, Аркаша.

— Дядя Михеич, возьмите нас на аэродром — очень хочется поглядеть, как там...

— Отчего же, можно будет. Вот только у начальника попрошу разрешения и возьму...

22 июня 1941 года...

Война...

Всё сразу изменилось, стало по-другому и дома, и на аэродроме.

На аэродроме формировались новые соединения.

В школе разместился госпиталь — появились первые раненые с фронта.

Николай Петрович Каманин улетел на фронт командовать авиационной штурмовой дивизией.

Аркадий с мамой и братом вернулись в Москву.

Как только они приехали, мальчик сразу же стал проситься, чтобы мать разрешила ему поработать на авиационном заводе.

В огромном, почти пустом сборочном цехе ремонтировали самолёты для фронта. Лётчики, техники, механики, командированные из воинских частей, помогали рабочим завода. Вместе со всеми работал и Аркадий.

Весной 1943 года на Калининском фронте было затишье. Немцев отогнали от Москвы, и они зарылись в землю, перешли к обороне.

Аркадий с матерью приехали проводить отца. Николай Петрович командовал уже корпусом. Тут же на фронте авиационные части пополнялись новыми самолётами, готовились к будущим большим боям.

Аркадий просил отца:

— Пап, а пап, не отправляй меня в Москву. Я всё равно сбегу на фронт. А здесь

я принесу больше пользы. Механики тут нужны. А я кое-что знаю, могу помочь...

И генерал сдался. Аркадия зачислили механиком в эскадрилью связных самолётов ПО-2.

Чётким строевым шагом подошёл к командиру эскадрильи связи худенький невысокий парнишка и отрапортовал:

— Рядовой Каманин, механик по спецоборудованию, прибыл в ваше распоряжение.

Отрапортовал лихо. Недаром, как потом стало известно, паренёк перед этим докладом два дня тренировался на опушке леса, рапортуя поочерёдно перед каждым деревом.

— А ведь мы, кажется, знакомы уже, Аркадий, — сказал командир.

— Да, немножко, — смутился Аркадий, вспомнив, как совсем недавно отец вызвал к себе командира эскадрильи для доклада. Пришёл он на квартиру к генералу вечером. Встретил его Аркадий:

— Вы капитан Трофимов?

— Да.

— Папа просил подождать... У него совещание.

Капитан сел на ступеньки крыльца, спросил:

— Как тебя зовут?

— Аркадий.

— Будем знакомы... Командир эскадрильи...

— Какой, — перебил капитана Аркадий, — истребителей или штурмовиков?

— Нет, связных самолётов при штабе корпуса.

— А... — разочарованно произнёс Аркадий, — значит, «на кукурузниках» летаете?

— Да, на этих самых. На ПО-2.

— Тоже мне авиация, — усмехнулся Аркадий.

— Напрасно так пренебрежительно относишься. Мы на этих маленьких фанерных самолётах большие дела делаем. Видишь, сам командир корпуса нами интересуется...

...И вот теперь они снова встретились. Было отчего смутиться.

— Оборудование ПО-2 ты хорошо знаешь, или дать время на изучение?

Аркадий не подал виду, что обиделся.

— Знаю, товарищ комэск. Я на аэродроме два лета в каникулы проработал, а последнее время был механиком на авиационном заводе.

— Тогда полный порядок. Иди в своё звено, приступай к работе...

Так началась служба.

По началу Аркадий больше всего боялся, чтобы в нём не увидели «папенькиного сынка». И Аркадий брался за самую «чёрную», самую тяжёлую работу.

Он похудел, осунулся, но глаза горели: новый механик, совсем ещё мальчишка, справлялся со своими сложными обязанностями, ни на что не жалуясь. С каждым днём всё ближе была цель, которую он поставил перед собой, — летать.

На самолётах Аркадий работал наравне со взрослыми механиками. Это не мешало ему с помощью комэска Трофимова и других лётчиков упорно учиться лётному делу.

— Товарищ инженер-майор, — обратился как-то Аркадий к инженеру Усаченко, — разрешите потренироваться на макете самолёта.

— А зачем это тебе понадобилось? На тренажёре занимаются только лётчики.

— А я и хочу быть лётчиком. Всю материальную часть изучил. Вот спросите командира и инженера эскадрильи. Они уже два раза меня проверяли.

Через несколько недель инженер-майор гонял Аркадия по всем пунктам лётного тренажа. И Аркадий отвечал без ошибок.

Так изо дня в день он настойчиво овладевал необходимыми знаниями.

Как-то старший лейтенант Друма взял Аркадия в полёт. Пролетели минут двадцать. Вдруг Аркадий осторожно тронул штурвал. Друма вопросительно посмотрел на механика: мол, что случилось? Аркадий знаками пояснил: «Дайте повести самолёт». Друма отрицательно покачал головой.

Но потом, набрав высоту, лётчик обернулся и показал рукой: «Бери!»..

Аркадий ведёт ручку немного на себя, потом от себя, и послушный ему самолёт то легко набирает высоту, то плавно снижается.

Счастливый, сосредоточенный, уверенный, он управлял самолётом целых пять минут. Незабываемых пять минут!

Наконец-то сбылась мечта!

Отдавая управление Друме, Аркадий вдруг закричал от восторга, растеряв всю свою сдержанность.

Друма улыбнулся и одобрительно поднял вверх большой палец.

Так у лётчиков вошло в привычку разрешать Аркадию вести самолёт самостоятельно.

Бомбардировщик «Юнкерс» удирал от наших истребителей. Немецкий стрелок яростно отстреливался. Одна из шальных пуль попала в козырёк первой кабины самолёта ПО-2, случайно пролетавшего рядом.

Лётчик был ранен в лицо осколками. Ослеплённый, теряя сознание, он передал управление самолётом Аркадию, успев переключить на него рацию. Аркадий ещё ни разу не садился самостоятельно. Он доложил обо всём командиру по радио и получил приказ: «Посадка запрещается!»

Когда Аркадий подлетал к своему аэродрому, к его ПО-2 подстроился поднявшийся на выручку командир эскадрильи. Он полетел рядом, сделал несколько кругов над аэродромом, подробно инструктируя Аркадия по радио, и приказал как можно точнее и быстрее всё повторять за ним, внимательно слушая радио. Люди на аэродроме замерли, следя за посадкой.

Крыло в крыло снижались самолёты, и вот оба уже, мягко коснувшись земли, приземлились на три точки.

Может быть, долго ещё пришлось бы ждать Аркадию разрешения летать, но этот случай открыл ему путь к полётам.

Его начали всерьёз обучать лётному делу. Вновь и вновь подвергался он самым придирчивым испытаниям опытных экзаменаторов.

Наконец за проверку его знаний взялся отец.

Николай Петрович Каманин сел во вторую кабину самолёта с намерением проверить сына со всей строгостью уставов по полётам. Он гонял его в зоне испытания до тех пор, пока не подошло к концу горючее в баках самолёта, но генералу так и не удалось поколебать уверенность юного пилота. Приказав идти на посадку, Николай Петрович закончил испытания. Выйдя из машины, генерал только развёл руками:

— Ну, Аркадий, победил. Ничего не скажешь — молодец. Летай, коли так!

Прошло ещё два месяца, и Аркадий стал пилотом.

Сначала он летал на соседние аэродромы, потом с ответственными заданиями на передовую, в тыл к партизанам, в разведку. Лётчики прозвали его Летунок.

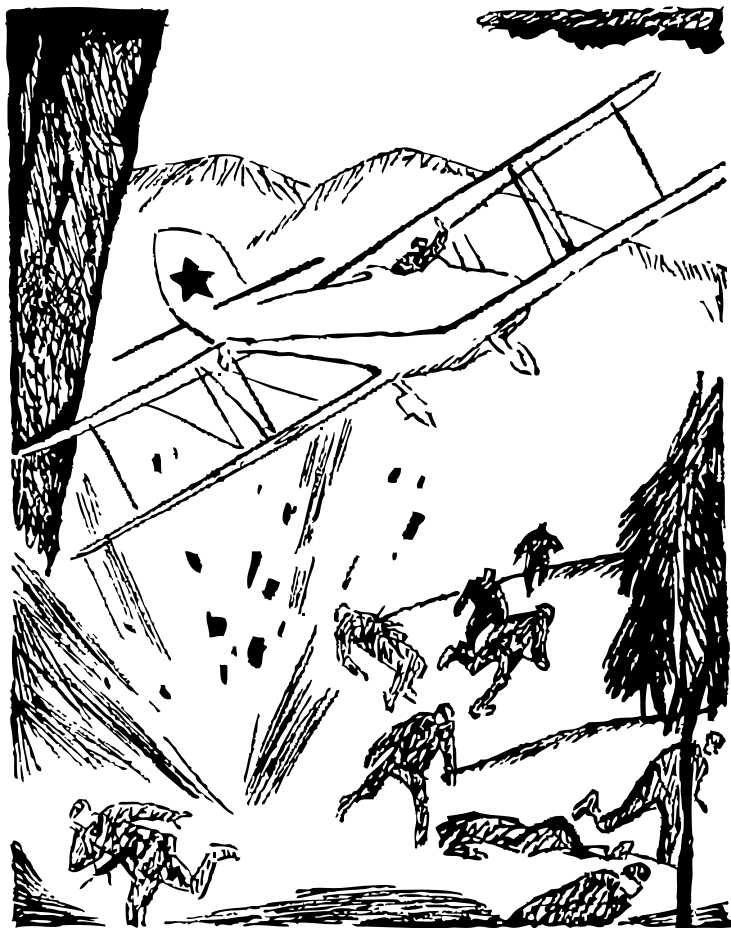
Однажды, пролетая над передовой, Аркадий увидел подбитый штурмовик ИЛ-2, который дымился на ничейной земле. Аркадий сделал резкий разворот, «лёг на крыло» и заметил, что из приземлившегося на нейтральной земле самолёта никто не выходит. Аркадий пошёл на снижение, подрулил к штурмовику со стороны наших позиций. Немцы открыли сильный миномётный огонь. С трудом Аркадий вытащил из самолёта лётчика, раненного осколком в голову.

Лётчик сказал:

— Передай комэску: Бердников задание выполнил. Если сможешь, сними с машины фотоаппарат. Отснято всё полностью.

Аркадий перетащил фотоаппарат на свой ПО-2. Потом вернулся к Бердникову и под миномётным огнём добрался с ним до своего самолёта. Но втащить его в кабину оказалось невероятно трудно.

— Обопрись на меня, — задыхаясь, просил Аркадий.

Лётчик пытался подняться, но, обессиленный, снова падал.

— Ну ещё немного, ну, Бердников, постарайся! Одному мне не поднять тебя.

Несколько раз Аркадий пробовал посадить лётчика, и, наконец, когда Бердников схватился за край кабины и, преодолевая боль, подтянулся, Аркадий приподнял его и, уже потерявшего сознание, положил на сиденье.

Аркадий еле дышал от усталости.

Прислонившись к самолёту, он снял с головы шлемофон, вытер пот с лица и окинул взглядом изрытое снарядами поле.

«Как тут взлетишь! А надо, надо!..»

Аркадий не знал, что всё это время за ним с волнением наблюдали из ближнего леса наши солдаты. Они собрались возле танков, замаскированных ветками. Солдаты просили командира:

— Разрешите подобраться к самолёту на выручку.

Но как разрешить! Ведь немцы обнаружили бы замаскированные танки.

К группе танкистов и пехотинцев подошёл командир полка.

— Почему не в укрытии? Что там для вас, спектакль показывают?

Но, увидев самолёт, поднёс к глазам бинокль.

— А ведь это та шестёрка, которая только что у нас была, — сказал он. — Самолёт связи...

«Что делать? Танки должны скоро выступать, но не раньше установленного срока. Демаскируешь танки — можешь сорвать всё наступление».

Полковник приказал радисту:

— Узнайте у штурмовиков, могут ли на десять минут, — он посмотрел на часы, — ускорить вылет. Передайте: «На вынужденной посадке, в нейтральной полосе, ближе к немцам, находится десятка, красный номер. Рядом с ней приземлилась шестёрка. Передал «Гром-4». Жду ответа».

Зазвучал зуммер радиостанции. Радист доложил:

— Отвечают: «Гром-4». Первый эшелон вылетел. Окажите помощь на вынужденной, «Ястреб-2».

Полковник отдал приказ.

— Начинаем атаку. Сообщите артиллеристам. Экипажи, по машинам!

Аркадий тем временем залез в кабину и внимательно осматривал поле, изрытое, всё в ямах и воронках от снарядов и мин. Пригоден для взлёта был только один кусочек земли, но и там, в конце, огромная воронка от снаряда.

А ждать нельзя, обстрел не прекращался.

В этот момент над головой Аркадия с воем и свистом понеслись на позиции немцев сотни снарядов. Заговорили артиллеристы.

«Наши! Теперь взлетать нельзя».

После артиллерийского налёта Аркадий услышал, как понеслись штурмовики, и тут же из леса, сбрасывая маскировочные ветки, вырвались танки. Когда первые танки прошли, Аркадий поднял в воздух свой самолёт — это потребовало огромного мастерства! — и потянул на бреющем за лесок.

По радио он услышал голос генерала Байдукова:

— Шестёрка! Летунок! Слышишь меня? Отвечай, как Бердников? А ты сам цел? Чеши на аэродром. Прикроем тебя.

Я — «Ястреб-2», я — «Ястреб-2»... Узнал меня? Приём.

— Узнал! — радостно отвечал Аркадий. — Всё в порядке, иду домой!

Лейтенант, спасённый Аркадием, вскоре снова летал на штурмовике, а на груди у Аркадия был орден Красной Звезды.

Это случилось в Польше. Аркадий прилетел на аэродром, но посадку ему запретили: на очередное задание вылетели штурмовики и сопровождавшие их истребители.

Аркадий очень устал: весь полёт с передовой проходил в тяжёлых условиях, под грозовым ливнем. И вот теперь приходилось летать по кругу в зоне аэродрома и ждать разрешения на посадку.

Наконец-то поднялся последний истребитель — двадцатка. Аркадий в это время пролетал неподалёку от взлётной

полосы. Взглянул на истребитель и... глазам своим не поверил: верхом на фюзеляже, у хвоста, прижавшись к стабилизатору, сидел человек.

«Что делать?» Решение созрело мгновенно.

Аркадий дал полный газ и повёл свой самолёт на перехват. Сблизившись с двадцаткой, он красной ракетой привлёк внимание лётчика и рукой показал ему на хвост истребителя.

Всё кончилось благополучно. Спасённый Аркадием «наездник» закоченел было совсем, да на аэродроме отогрели. А лётчик двадцатки после рассказывал:

— Вижу, несётся на меня Аркадий на своём ПО-2, стреляет в упор из ракетницы, грозит кулаком и показывает то на свою голову, то на хвост самолёта. Обернулся я и обомлел: на хвосте самолёта — механик, а высотёнку я уже набрал приличную и шасси убрал. Переключил рацию на приём и слышу свои позывные. В жизни моей, наверное, такой посадки не было и не будет. Вот страху набрался: всё боялся, как бы не свалился механик.

Как же случилось такое?

Грозовым ливнем размыло грунт аэродрома. Для лёгких истребителей это беда. Выруливая на старт, они колёсами зарывались в грязь и опрокидывались. Чтобы этого не случилось, механики садились им на хвост и после того, как самолёт подруливал к старту, проворно соскакивали.

Но лётчик двадцатки, взлетающий последним, торопился, не задержался на старте, а сразу пошёл в воздух, увозя перепуганного механика.

Заветным желанием Аркадия было летать на боевом самолёте — истребителе или штурмовике. Ведь его тихоходный фанерный самолёт не имел вооружения, чтобы защищать себя и наносить удары по врагу.

Он много раз просил и комэска и инженера, чтобы те разрешили установить на его шестёрке бомбодержатели. Есть же на ПО-2 такие установки в полках ноч-

ных бомбардировщиков, где на этих же самолётах летают девушки.

Аркадию, смеясь, отвечали:

— Вот и переходи в полк к девушкам. На девчонку ты похож, вполне сойдёшь за лётчицу.

Тогда Аркадий задумал сам осуществить свой план и превратить связной самолёт в бомбардировщика. Об этом мы, может быть, и не узнали бы, если бы не случай, происшедший с ним в штабе фронта.

Однажды, это было в Западной Украине, Аркадий летел над Карпатами.

Самолёт шёл низко над лесом. Аркадий то и дело поглядывал на деревья и поляны между ними. И вдруг... Из-под елей захлопали винтовочные выстрелы. Под крыльями самолёта прошла автоматная очередь.

«Бендеровцы», — успел только подумать Аркадий и набрал высоту.

На другой день он снова летел мимо этого же места и вёз с собой «гостинец» для лесных бандитов: захватил автомат в противогазной сумке. В этот раз по самолёту не стреляли, и Аркадий благополучно сел на маленьком аэродроме возле штаба фронта. А после, когда уже запустили мотор, собираясь улететь с полученными документами и пакетами, то услышал нарастающую беспорядочную стрельбу: на штаб напала банда бендеровцев. Штаб фронта был примерно в ста километрах от передовой. Поблизости, кроме роты, охраняющей штаб, никого не было.

Прибежал механик аэродрома.

— Товарищ сержант, — закричал он, аэродром под обстрелом! Взлетать нельзя. Идёмте в укрытие. Мы там заняли оборону.

— Ладно, возьми автомат и диски, а я повоюю с ним с воздуха, — ответил Аркадий. Дал полный газ, выбрал ручку на себя и взмыл с пятачка.

Набрав высоту, Аркадий осмотрелся, разглядел небольшие скопления врагов и, снизившись, забросал их ручными гранатами. Потом на максимальной скорости полетел на свой аэродром. По его

сообщению на выручку штаба вылетела группа истребителей-штурмовиков, а по дороге помчался грузовик с солдатами.

Бой длился несколько часов. Банду удалось уничтожить...

Так мы узнали, что в противогазной сумке Аркадий возил с собой «карманную артиллерию».

А вскоре у развёрнутого знамени перед строем личного состава эскадрильи Аркадию была вручена правительственная награда — второй орден Красной Звезды.

К этому времени он был уже опытным лётчиком, и ему исполнилось пятнадцать лет. ☆

Прилетел как-то раз Аркадий со срочными документами на передовую к начальнику группы наведения капитану Проскурову. Спрятал свой самолёт в лесочке, замаскировал ветками, посидел немного на радиостанции, послушал, как радистка Рита успевала передавать распоряжения нашим лётчикам. Они по несколько раз с воздуха атаковали укрепления немцев. Потом вышел и говорит:

— Товарищ капитан, дайте мне задание. Что я тут торчу на командном пункте без дела.

— Хорошо, — ответил капитан Проскуров, — а то я совсем закрутился. Давай полезай на крышу сарая и наблюдай в бинокль. Как появится в воздухе новая группа наших штурмовиков, сообщи мне. Кричи громче, не стесняйся. Следи, сколько будет самолётов, каким идут курсом, на какой высоте, и заметь номер на борту ведущего самолёта. Если вдруг в воздухе появятся немецкие истребители, то немедленно докладывай, чтобы я успел предупредить наших штурмовиков и нацелить своих истребителей.

Уселся Аркадий верхом на самый конёк соломенной крыши и докладывал всё, что видел.

Дело было летом. Солнце припекало крепенько.

Немецкие истребители не появлялись.

Наши лётчики были полными хозяевами в небе. Время тянулось медленно.

Томительно и скучновато показалось Аркадию задание. С досады он начал каблучком сапога ворошить солому на крыше. Из развороченной соломы поднялась туча растревоженных ос. Аркадий камнем скатился с крыши, упал на землю, закрывая лицо.

Ос отогнали дымом, зажгли солому, но Аркадий весь был искусан.

— Тоже мне, нашли работу. Наверно, нарочно всё это подстроили, — ворчал Аркадий.

— Летунок, — сдерживая улыбку, сказал ему капитан Проскуров, — тебе больно, сочувствую, но ты несправедлив. Поручение я тебе дал ответственное. Сидел бы спокойно, наблюдал. Сам виноват. Потревожил пчёлку, вот и получил по первое число.

Надо было вылетать, и капитан приказал лететь на свой аэродром. Оказать медицинскую помощь здесь не было возможности, да и боялся, что заплывут глаза и не сможет Аркадий улететь.

Летел Аркадий злой как чёрт. Приятного, конечно, мало, когда всё лицо, шея, руки горят от укусов, а один глаз закрылся, осталась только щёлочка.

Пролетая над опушкой леса, Аркадий увидел на поляне наш танк Т-34. Одна гусеница растянулась под ним, как коврик, а танкисты сидели, покуривали.

«Вот растяпы, — подумал Аркадий, другие бы давно починили — и в бой, а эти загорают...»

Пролетел немного — и совестно стало: «Может, авария? Может, помощь нужна?»

Вернулся назад и посадил самолёт рядышком.

— Что случилось? Может, помочь чем смогу?

— Два трака (это значит, гусеничные стальные плитки) перебило, — отвечают танкисты. — Новые подобрали, а болтов, соединить их, нет. Какая от тебя помощь, парень? Верёвочкой или проволокой их не свяжешь.

— Сам понимаю,— ответил Аркадий.— Вы мне покажите на карте, куда слетать, и я привезу болты.

— Родной наш, дай тебя расцелуем, обрадовался командир танка.— Смотри, вот тут лесок,— показывал он, держа планшет Аркадия с картой,— потом речка, а на краю деревни, возле мельницы, танковый парк и мастерские.

— Знаю, я туда летал,— ответил Аркадий.

— Выручай, друг. Передай записку и сбрось нам сумку, век не забудем. Ведь понимаешь, дело какое: товарищи в бою, а мы здесь на приколе. Аркаша, зайди заодно в нашу санчасть. Медсестра Марина смажет тебя мазью от ожогов. Здорово помогает. Никому не даёт её, но на тебя не пожалеет. Мазь помогла, боль утихла. Вся история с осами теперь казалась Аркадию смешной.

Принесли болты, и Аркадий, сделав круг над деревней, покачал крыльями и полетел к ждавшим его танкистам.

Пролетая мимо поляны, он сбросил сумку с болтами и увидел, как танкисты махали ему вслед в знак благодарности.

Посмотрел моторист Володя Мухин на забинтованную голову Аркадия, когда тот прилетел на свой аэродром, и перепугался:

— Летунок, что случилось? Может, санитарную машину вызвать?

— Не надо. На «фрицевский сюрприз» наскочил.

— На передовой? На мину?

— Какую там мину? Мин у фрицев теперь не хватает, так они на меня ос напустили. Видишь, как разукрасили,— шутил Аркадий.

Весна 1945 года. Шёл бой на ближних подступах к городу Брно.

К командующему фронтом маршалу Советского Союза товарищу Тимошенко Семёну Константиновичу, который осматривал в бинокль панораму боя, подошёл полковник — начальник связи фронта — и доложил:

— Связь с партизанским отрядом прервана. Вышли из строя батареи питания рации. Просят срочно доставить.

— Вот незадача,— сказал командующий.— Нужно как можно скорее восстановить связь. Большая группа немцев уходит из-под удара. Партизаны должны взорвать мосты и не выпустить немцев на дороги, по которым можно увезти технику. Это нужно передать партизанам. Немедленно организуйте доставку питания.

— Товарищ командующий, запасные батареи питания у нас есть, а вот самолёт надо вызвать.

Командующий снова поднёс бинокль к глазам и сказал:

— Ну и орлы же наши, пока с вами говорил, вон на сколько продвинулись! Не теряйте времени — вызывайте самолёт!.. Впрочем, подождите! Чей это самолёт стоит

на площадке у горы? Выясните.

Через некоторое время подошёл генерал-лейтенант Каманин.

— Твой самолёт? — пожимая ему руку, спросил маршал.

— Мой.

— Один прилетел или с лётчиком?

— С лётчиком. Он там у самолёта.

— Зови его, выручай. Есть срочное задание,— и маршал коротко рассказал, в чём оно заключается.— Справится твой лётчик?

— Уверен, что справится.

— Зови-ка его сюда. Дадим задание, где найти партизан. Пусть попытается приземлиться, ну а в крайнем случае, сбросит пакеты с вымпелом.

Не прошло и несколько минут, как паренёк в лётной форме, отчеканивая шаг, подошёл к командующему и доложил:

— Товарищ командующий, маршал Советского Союза, по вашему приказу прибыл. Докладывает старший сержант Каманин.

— Каманин? — Тимошенко с удивлением посмотрел на Николая Петровича...

— Карта района есть?

Аркадий быстро расстегнул планшет и положил свою лётную карту на столик.

— Товарищ генерал-лейтенант, уточните задание, наметьте маршрут и подсчитайте необходимое время полёта.

Через несколько минут Аркадий бежал к самолёту, где уже стояли связисты с упакованными в мягкую тару батареями.

По предварительным подсчётам лететь ему предстояло час сорок минут. Полёт был сложный, маршрут недостаточно изученный. Горы возникали неожиданно, а лететь на большой высоте нельзя — ПО-2 мог легко стать добычей зенитчиков или прятавшихся в облаках «мессеров». Бреющим полётом с небольшим запасом высоты лететь тоже опасно: ведь территория занята немцами, и на любой высоте мог быть расположен опорный пункт с зенитными пулемётами.

Приноравливаясь к рельефу гор, Аркадий выдерживал среднюю высоту полёта, напряжённо следя, не увязались ли за ним немецкие истребители.

Задание у него было особой важности. Помимо батарей для радиации, он вёз пакет. Вручая его, командующий, конечно, не зря сказал:

— Передашь лично командиру отряда. Если не сможешь приземлиться, па-

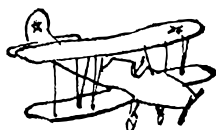
кет не сбрасывай. В случае вынужденной посадки — уничтожь...

Вспоминая впоследствии этот полёт, наш комэск Трофимов говорил, что не каждый опытный лётчик смог бы так чётко и отважно выполнить задание командующего, как выполнил его шестнадцатилетний Летунок. Аркадий был награждён за этот полёт орденом Красного Знамени.

В 1947 году Аркадий был зачислен слушателем Краснознамённой Военно-Воздушной академии им. Жуковского. Нелепая смерть после тяжёлой болезни оборвала жизнь Аркадия. Фронтовые друзья и товарищи похоронили его в Москве на Ново-Девичьем кладбище.

Часто можно видеть, как к скромной могиле юного героя, украшенной цветами, с развёрнутым знаменем приходят дружины, отряды пионеров имени Аркадия Каманина, чтобы почтить память дорогого им ровесника. Приходят, чтобы провести торжественный сбор отрядов, дать клятву на верность его мечтам, его памяти. Клятву — быть такими, как он.

Альберт КУПША Маркс КРОТОВ Коля РЫЖОВ

В начале было не страшно, а только непонятно.

Когда немцы появились у околицы, всё ещё не верилось, что это — немцы.

Когда забелели на столбах и на стенах домов приказы, грозившие расстрелом за провинности большие и малые, то не верилось, что будут расстреливать.

В один из первых дней оккупации Коля и Маркс, стоя у окна, смотрели, как идёт немецкий патруль.

Двое солдат неторопливо шли серединой улицы. Они шагали в ногу, глядя прямо перед собой, положив ладони на автоматы, висящие на шеях. Они шли как окаменелые. И было непонятно, для чего они такие негнущиеся и жёсткие. Может, для самих себя, чтобы им было легко убивать?

Солдаты шли по улице.

Ребята смотрели.

Вдруг Маркс спросил:

— А в Испании тоже они воевали?

Коля недоуменно взглянул на друга, «Немцы на улице, у твоего дома, а ты думаешь об Испании», — вот что нужно было ответить Марксу. Но вдруг с удивлением Коля подумал, что и для него почему-то важно знать: эти или другие воевали в Испании?

Испания, Испания!

Голубое небо, голубые горы... И названия на карте звучные. Они хрустят, как

сахар-рафинад на зубах: «Гвадалахара», «Сьерра-Морена».

В зелёных долинах, у рек, сверкающих солнцем, идут бои — республиканцы бьют мятежников.

Испания красива и разноцветна, как географическая карта.

Испания — это оранжевые апельсины.

Испания — это дети, заряжающие ружья для своих отцов.

Испания — это линия красных флажков на карте.

Испания — республиканцы бьют фашистов!

Много часов проводили тогда ребята за картой.

Маркс лучше всех знал положение на фронтах Испании. Он вообще много знал об Испании.

Но главное — в Испании шла война. И если бы стать чуточку постарше, то можно удрать на эту войну. Там пушки карабкаются по склонам гор и республиканцы на конях преследуют мятежников. И на привалах бойцы пьют холодную ключевую воду из запотевших кувшинов и поют испанские песни.

Ребята ненавидели фашистов и играли в республиканцев. Они играли, и сама война, хотели они того или не хотели, казалась им игрой.

Республиканцы бьют фашистов?

Но линия фронта, извиваясь, медленно подползала к Мадриду. Зелёные долины перепаханы итальянскими танками.

В голубом небе — немецкие самолёты.

Да и всегда ли голубое небо в Испании?

Вот снимки в газетах: небо Мадрида чёрное от дыма.

Горят после бомбёжки дома.

Убитые дети лежат прямо на мостовой. Рядом — женщина. Она лежит, сжав кулаки. Она проклинает фашистов и после смерти.

И вот карта Испании уже перестаёт быть красивой, а война — игрой. Ребята понимают, что война — это страшно, что война — это смерть. Но всё же им хочется в Испанию.

Давно уже стихли шаги немецкого патруля.

Ребята всё стояли у окна. Они вспоминали каждый про себя Испанию.

Вспоминалось само по себе.

И когда пришёл Алик, Коля сказал, кивнув головой в сторону Маркса:

— Он говорит, что фашисты, которые здесь, были в Испании.

Алик, как ни странно, не удивился и спросил:

— Думаешь — правда?

И опять Коля должен был бы сказать Алику: «Как же так? Ведь фашисты здесь, в нашей деревне... Они могут убить тебя или меня. Они могут убить, кого захотят. У них есть такое право... Почему тебе неудивительно, что у них есть право убить тебя? Почему для тебя важно знать, были они в Испании или нет? Разве это главное сейчас?»

Но Коля ничего не говорил Алику. Ему так же, как и остальным, трудно, невероятно трудно было поверить в то, что вот сейчас под окнами прошли фашисты.

Зачем они здесь? Откуда пришли?

Из Испании?

Значит, и здесь они могут творить то же, что в Испании?!

Испания очень далеко. А фашисты уже здесь — в деревне Смердыня, недалеко от Ленинграда.

Всё это произошло так быстро, что поначалу было трудно поверить в случившееся.

Но поверить всё же пришлось.

Фашисты входили в любой дом и брали, что им нужно.

Фашисты расстреливали людей, вышедших на улицу после девяти вечера. Расстреливали ни в чём неповинных людей. Ведь это проще — нажать спусковой крючок, чем выяснить, куда и зачем шёл человек.

В те дни ребята говорили мало.

Они смотрели, слушали, запоминали.

Запоминали на всю жизнь.

Можно ненавидеть и прятаться.

Можно ненавидеть и мстить.

— Ребята, нужно что-нибудь делать, сказал Коля. — Мы должны мстить. Мстить за наших и за испанцев. Поклянёмся!

— Честное слово! — горячо подхватил Алик и добавил ещё раз, для верности:

— Честное пионерское!

Маркс молча кивнул головой. Он всегда говорил мало, и ребята знали, что для Маркса достаточно и этого.

Начались поиски партизан.

Осторожно ребята расспрашивали знакомых.

Одни пожимали плечами, другие говорили: «Не лезьте не в своё дело», третьи спрашивали: «Зачем?»

На этот простой вопрос ответить было очень трудно.

Люди таились.

Люди скрывали свои чувства и мысли.

Ребята видели, что люди, к которым они обращались, ненавидели фашистов так же, как и они, но никто не отвечал прямо.

Одни улыбались, другие хмурились; ни те, ни другие ничего не говорили.

Ребята не теряли надежды. Где только они не искали партизан: в оврагах, в лесу, даже в заброшенных сараях.

Однажды, когда ребята сидели в кустах у околицы, им встретился странный человек.

Был ясный осенний день.

В чистом воздухе далеко разносился гул самолётов с немецкого аэродрома. Время от времени из-за леса вздымались тяжёлые машины-бомбардировщики. Развернувшись, они выстраивались и уходили в сторону Ленинграда. Через некоторое время они возвращались, облегчённые и как будто довольные оттого, что остались целы и могут убивать снова. Низко над лесом заходили на посадку.

Из-за гула моторов ребята и не слышали шагов человека. Он стоял перед ними и, чуть покачиваясь на длинных ногах, смотрел на них сверху. Он был в новом сером костюме, в белой рубашке и в галстуке. Он разглядывал ребят с любопытством и сначала показался не своим и не чужим, а просто странным.

— Хорошие самолёты? — спросил он, кивая в сторону аэродрома.

Ребята молча смотрели на незнакомца.

— Я понимаю, понимаю... — засмеялся незнакомец. — Война!.. Я — подозрительный человек. Так?

Ребята молчали.

— Я понимаю, — продолжал незнакомец. — Война!.. Но я стою и улыбаюсь вам, а вы не улыбаетесь мне. Почему? Когда встречаются в первый раз, то сначала нужно хорошо разговаривать, как друзья. Когда встречаются враги, то нужно разговаривать, как враги. Но ведь вы и я — не враги. Так?

Было что-то странное в манере человека складывать слова.

Русские слова звучали совершенно правильно и всё же не по-русски.

— Я хотел поговорить с вами, как будто нет войны. Я понимаю, вам нравятся самолёты. Мне тоже нравятся самолёты. Я хотел раньше лётчиком сделаться. Летать — очень хорошо. Верно?

Никто из ребят не произнёс ни слова.

— Молчание — золото, — незнакомец засмеялся. — Когда я был мальчиком, я тоже мало разговаривал и много дрался. Все мальчишки любят драться. Потому из них и вырастают хорошие солдаты. Правильно я говорю?

Он говорил правильно. Пожалуй, слишком правильно. Чем больше он улыбался, тем угрюмее становились ребята. Никто и никогда не был так терпелив с ними. И всё же в дружелюбии человека в сером была непонятная им назойливость.

Теперь уже никто из мальчиков не хотел заговорить первым.

— Я понимаю. Вы не хотите говорить. Это нехорошо. Война скоро кончится, и мы будем разговаривать хорошо. Что будете вы после войны делать?

Ребята молчали.

Незнакомец не унимался, и никак нельзя было понять, чего же он хочет. — Когда победит немецкая армия... — сказал незнакомец.

Ребята вздрогнули и подались назад.

Незнакомец засмеялся.

— Я понимаю. Вы хотите, чтобы победила русская армия?

Об этом можно было бы и не спрашивать. На лицах ребят ответ был написан достаточно ясно.

— Я понимаю. Вы не хотите, чтобы победила русская армия? Коля мотнул головой и посмотрел на друзей, как бы спрашивая их согласия.

— А вот хотим! — неожиданно сказал он и снова взглянул на друзей. — Хотим! Верно, ребята!

Алик и Маркс молча кивнули.

— Ты говоришь правду. Это хорошо, сказал незнакомец весело. — Я тебя уважаю. Ты — рыжий, а рыжие счастливые. Может быть, действительно победит русская армия!

Незнакомец ещё раз внимательно оглядел ребят и, резко повернувшись, зашагал к деревне.

— Чего он пристал? — спросил Алик.

— Фашист, — буркнул Коля. — Разве непонятно! Смотри, у него пистолет в заднем кармане...

В школе стояли немцы.

Занятий не было.

Иногда ребята доставали старые учебники, что хранились в погребке, и читали вслух.

Это было опасно.

Даже в учебнике по арифметике встречались слова: «СССР», «красноармеец», «советский».

Расстрелять могли и за учебник по арифметике.

Через деревню на фронт проходили колонны немцев.

Гул на земле, и гул в небе...

По-прежнему гудели, распаяя себя злобой, моторы над аэродромом.

По-прежнему поднимались самолёты с русской земли и шли бомбить русскую землю.

Казалось, не было силы, которая преградит им путь.

Вдруг в небе грянули пулемётные очереди.

Вихрем через палисадники, огородами помчались ребята к околице. Они прятались в кустах и оттуда смотрели в небо.

Смотреть было запрещено, за это полагался расстрел.

Наверху шёл бой. Медлительные бомбардировщики с чёрными крестами на крыльях, завывая, улепётывали в разные стороны: откуда-то сверху, из-за облаков, свалился на них зелёный «ястребок».

Он был один.

Короткой трелью он прошёлся по спине «юнкерса», и тот вспыхнул сразу, как ватный. Огненным комом «юнкерс» врезался в землю где-то за лесом. Спустя некоторое время долетел грохот взрыва.

«Ястребок» снова взмыл вверх и, кувыркнувшись через крыло, стал падать на спину следующему «юнкерсу».

С аэродрома поднялись немецкие истребители.

«Ястребок», словно ликуя, заплясал в небе, огрызаясь короткими очередями. Он пикировал, петлял, переворачивался и делал это так легко, так весело, что всё это было похоже не на бой, а скорее на игру в пятнашки. Немецкие истребители то зажимали его сверху и снизу, то, блокируя по сторонам, кружились с остервенением, боясь расстреливать его, чтобы не попасть друг в друга.

И вдруг «Ястребок» задымил и стал снижаться.

Вся свора метнулась за ним, теперь уже напрямую поливая из пулемётов беспомощную машину.

Ребята вскочили на ноги, забыв о том, что их могут увидеть.

«Ястребок», косо прочертив по макушкам деревьев, исчез.

Ребята стояли прислушиваясь. Взрыва не было.

Они бросились к лесу. Никогда в жизни им не приходилось бегать так быстро. Они оступались, проваливались в колдобины, цеплялись за сучья, но не чувствовали боли ни от царапин, ни от ушибов.

«Ястребок» лежал на прогалине, уткнувшись крылом в землю. На бортах пузырилась горящая краска. Жирный тяжёлый дым стлался по поляне.

Лётчик сидел в кабине, склонив набок голову. Руки его, залитые кровью, повисли вдоль спинки кресла.

Коля прыгнул на крыло, подполз к кабине, с трудом открыл её и потряс лётчика за плечо. Голова лётчика чуть качнулась.

— Скорее! Живой! — задыхаясь от дыма, крикнул Коля.

Алик и Маркс были уже рядом. Отстегнув ремни, они с трудом вытащили лётчика из кабины. Осторожно спустили на траву тяжёлое тело.

Чтобы лётчику было удобнее лежать, Алик подстелил ему под голову свою теплогрейку.

Маркс принёс в шапке воды!..

И только тут ребята заметили на комбинезоне лётчика дырки, много дырок, возле которых расплылись тёмные пятна.

Первый человек, который прилетел к ним с нашей земли, прилетел мёртвым. Его убили ещё в воздухе.

Когда Алик понял это, он заплакал.

И, глядя на него, заплакали Маркс и Коля.

Они плакали молча, не всхлипывая, не утирая слёз. Они плакали как мужчины.

Если бы в эту минуту пришли фашисты, то мальчишки дрались бы с ними до последнего вздоха. Руками, ногами, зубами насмерть.

Но фашисты не пришли.

У лётчика в карманах были документы и письмо.

Письмо начиналось так: «Дорогой Лёшенька! Мы все уже в Новосибирске.

Холодина стоит такой, что сил нет. Намёрзнуть за день на работе, приду домой и думаю: как же тебе, наверное, наверху холодно. Каждое воскресенье хожу на базар, ищу тебе шерсти на варежки. Теперь, слава богу, нашла козий пух. Тёплый. Теперь такого нигде не достанешь...»

Лётчика Лёшу похоронили в лесу.

Хоронили тайком, без памятника, чтобы не нашли немцы. Его положили в могилу в полной форме, и никто из мальчиков даже не подумал взять пистолет — герои всегда хоронят с оружием...

Зима в тот год была жестокой, морозной.

Гитлеровцы стали ещё подозрительнее и злее.

Промёрзшие патрули для храбрости палили в ночь. Стреляли на шорох, на огонёк сигарки, стреляли чуть ли не в собственную тень.

Они смертельно боялись партизан.

Выходить из деревни становилось всё труднее. А выходить было нужно.

Ребятам, наконец, удалось связаться с партизанами.

Это сделал Коля.

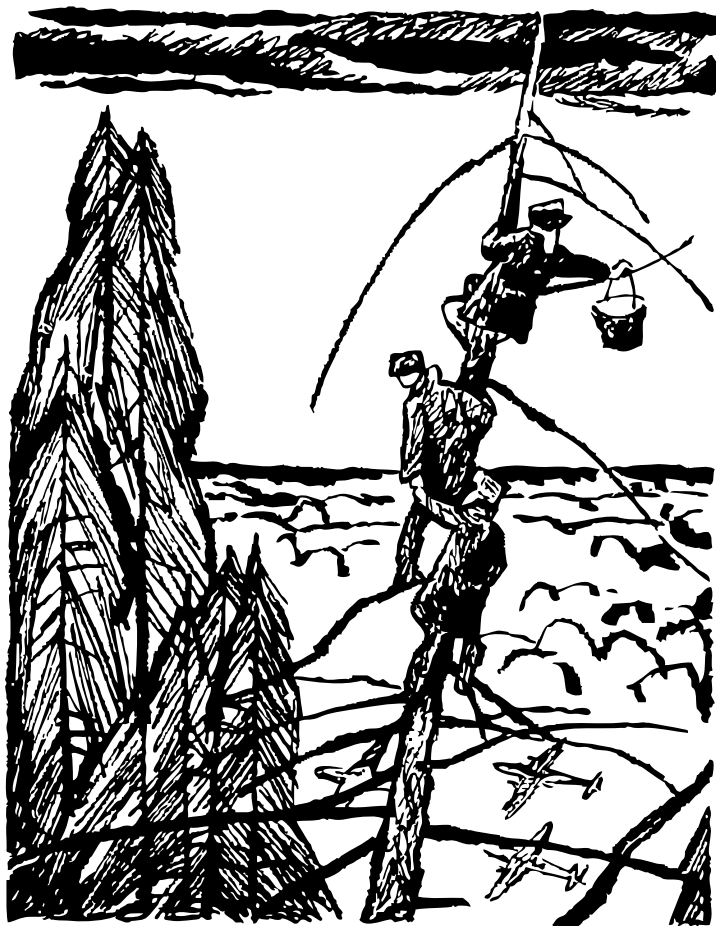
Он пропадал целыми днями. Возвращался усталый, с посиневшим от холода лицом. На расспросы отвечал неопределённо или отмалчивался.

Напрасно пытались Алик и Маркс узнать у него хоть что-нибудь. Коля ничего не говорил. Тогда Алик и Маркс замолчали. Они дулись, бросали на Колю сердитые взгляды, но это не помогало. Наконец даже Маркс, всегда молчаливый, тихий Маркс, не выдержал.

— Ты думаешь, что мы ничего не знаем? — сказал он Коле. — Пожалуй-ста, думай... Мы всё знаем — ты ходишь к партизанам. Верно, Алик?

— Правильно, — сказал Алик, — пусть он не врёт. — Я вру?! — крикнул Коля. — Чего я вам наврал?

— Ничего, — ответил Маркс. — Раз не говоришь правду — значит, врешь. Мы же поклялись, чтобы вместе...

— Ни чего я не вру... — буркнул Коля. — Мне командир сказал: если попадёшься один, то это — один, а если трое, то это — трое. Будут одного мучить или троих — есть разница? Я про вас говорил. Он сказал: «До времени...»

— Тогда мы сами найдём, — спокойно сказал Маркс. — Не нужно искать! — зашептал Коля. — Я должен вам сказать и скажу: завтра повезём партизанам продукты...

— Здорово, рыжик! Молодец, рыжик! — Алик, мгновенно забывший все обиды, сильно хлопнул Маркса по плечу. — Это годится, верно, Марик?

Маркс молча кивнул в ответ. С этого дня ребята начали постоянно помогать партизанам.

Оказалось, что в деревне не так уж мало людей, которые связаны с партизанами. Они передавали ребятам продукты и одежду, а Коля, Алик и Маркс отвозили всё в лес и оставляли в условленных местах.

Это было уже настоящее дело.

И всё же... Продукты... Горбушкой хлеба фашиста не убьёшь. Их убивают из автоматов. А мальчики пока могли только мечтать об оружии.

Но вот они получили, наконец, первое боевое задание.

Как звонко поют лыжи на мёрзлом снегу! Но песня эта — предатель. Надо двигаться бесшумно.

Как хороши голубые дороги в зимнем лесу! Свежая, морозная луна серебрит ели... Но свет луны — только помеха. Лучше всего, если пасмурное небо, если метель, если темно. Немцы боятся темноты.

Давно ли даже в летний день лес казался мальчикам загадочным, таинственным?

Но теперь война.

Всё стало иметь другой смысл. Привидения и колдуны, которыми когда-то пугал ребят Алик, не интересовали больше их.

Сейчас лес — надёжный друг, и в нём безопаснее, чем в собственном доме.

По притихшему, ночному лесу пробираются ребята поближе к аэродрому. Сейчас очень важно не нарваться на засаду.

Впереди Маркс. Он — дозорный. За ним Коля и Алик. В руках у одного — ведро. С ним надо поосторожней, чтобы не гроыхало. В руках у другого — керосиновая лампа.

Вот и опушка. Здесь рядом — аэродром: впереди расстилается тёмное поле. Оно кажется мёртвым. Но вот порыв ветра приносит какой-то металлический звук... Вспыхнул и сразу погас крошечный светлячок... Чуть слышно тархтит не то танк, не то трактор.

Мальчики, сидя в кустах, трут одревеневшие щёки, суют руки под мышки и снова трут. Хуже всего ногам: от ступней чуть не до колен разбежались мёртвые иголки. Хорошо бы побороться или просто встать да попрыгать... Но этого делать нельзя — могут услышать.

Алик осторожно снимает стекло с лампы, слегка подкручивает фитиль.

Маркс достаёт спички и зажигает фитиль у лампы. Узенький язычок пламени выравнивается.

Накрыв лампу стеклом, ребята плотно устанавливают её в ведре.

Теперь нужно неслышно забраться на сосну и на её верхушке повесить ведро.

Коля лезет вверх по сосне, Алик и Маркс за ним. Передают по цепочке ведро с зажжённой лампой.

Всё выше и выше поднимается ведро с лампой.

Руки коченеют. Дрожь от морозного ветра пробивается по всему телу: поднимаются ребята медленно, боясь оступиться, боясь уронить сигнальный «факел».

Передышка... Ведро подвешено на самой верхушке сосны.

Коля выкручивает фитиль так, что лампа теперь горит в полную силу. Её пламя увидят только сверху наши бомбардировщики. Скоро их время.

Ребята спускаются вниз на землю. Пытаются как-то согреться. Теперь надо обязательно согреться...

Издали доносится басовитый гул.

Гул приближается.

Гул опускается всё ниже и ниже и плотно обволакивает всё вокруг.

А поле притаилось — молчит. Уже чётко слышно, как ревут моторы.

Вот они уже над опушкой леса...

Где-то наверху начинает петь сирена. Она набирает силу, вот уже она не поёт, а визжит всё громче и громче, всё пронзительнее, и тогда становится понятно, что это не сирена. Это бомба.

На середине поля взметнулся вверх огненный язык, осветив присмирившие самолёты с крестами на крыльях. И внезапно поле оживает. Огненные трассы пулемётов взмывают вверх. Вспыхивают прожекторы. Сухо и деловито стреляют зенитки. В небе мигают огоньки разрывов. А сирены сверху визжат не переставая, и на поле пачками рвутся бомбы. Где-то на краю аэродрома вздымается в небо огненный столб и повисает в воздухе. Горит бензохранилище.

На лицах ребят пляшут багровые отсветы. Снег, сбитый воздушной волной с дерева, осыпается на них целыми сугробами.

Но они ничего не замечают. Задание выполнено!

Трудно быть матерью партизана.

Он ещё не взрослый, этот партизан, но уже и не ребёнок. Он умеет ненавидеть, как большой, и может заиграться, как маленький. Он надувает губы, хмурится, отмалчивается — хранит свою военную тайну. Да разве от матери скроешься! И если отпускает она его по ночам, то во все не потому, что хочет, а потому, что знает — всё равно уйдёт. В избе темно.

Дружно посапывают у стенки малыши.

Спит и Маркс. Вернулся под утро. Промёрзший. Зуб на зуб не попадал. Отогрела.

Хорошо, что живой вернулся. Поплакала на радостях. Вот ведь радости теперь какие — только плакать. Лежит мать в темноте, не спит и думает: как уберечь мальчика? Что сказать? Что сделать? Он

говорит: нужно! Она и сама знает, что нужно. А если убьют, тогда как...

Утром кто-то осторожно постучал в дверь. Маркс соскочил с кровати.

Снова стук — тихий, скребущийся: «Немцы так не стучат».

— Кто там?

— Отворяйте скорее. Свой...

Маркс приоткрыл дверь. На пороге, озираясь стоял человек в старой шинели без хлястика, в потрёпанной ушанке со звёздочкой.

— Хозяин, спрячь на часок. Фашисты...

Маркс молча посторонился. Человек вбежал в избу и остановился посреди комнаты озираясь. Только сейчас Маркс разглядел два кубика в петлицах: лейтенант. — Хоть до вечера... — жалобно сказал лейтенант. Лейтенант подошёл к окну, осторожно выглянул на улицу из-за занавески.

— Не бойтесь, товарищ лейтенант, сказал Маркс. — К нам ещё ни разу не заходили. Вы, наверное, голодный...

— Я не боюсь, — ответил лейтенант. Понятно, что свои. — Он сел за стол. Маркс поставил перед ним чашку с картошкой.

— Спасибо, хозяин, — сказал лейтенант. Под окном послышались шаги. Маркс подбежал к окну.

— Немцы! К нам идут! Прячьтесь вон туда!

Лейтенант улыбнулся и направился к двери.

«Наверное, он сошёл с ума от страха».

— Немцы же, немцы! Прячьтесь скорее, товарищ лейтенант!

Маркс бросился к двери, оттолкнул лейтенанта в глубь комнаты. «Надо во что бы то ни стало спасти этого человека, своего, русского командира».

Маркс выскочил на крыльцо и захлопнул дверь, прислонился к ней спиной.

Четверо солдат шли от калитки к дому.

Толчок в спину сшиб его с крыльца. Маркс упал на землю. На пороге стоял лейтенант. Солдаты взяли автоматы на изготовку.

— Взять его! — сказал лейтенант. Отвести в комендатуру.

В тот же день арестовали Колю и Алика. Все трое сидели в комендатуре, прижавшись спинами к стене, в маленькой грязной комнате, когда грохнул засов и на пороге появился длинноногий офицер. Щурясь, он оглядывал полутёмное помещение.

Вдруг ребята услышали знакомый голос: «Очень рад буду поговорить со своими старыми знакомыми».

На пороге стоял человек в сером. Только теперь он был не в костюме, а в кителе с витыми погонями.

Тощий солдат в очках привёл ребят в комнату с зарешечёнными окнами. Их усадили на скамью рядом. Улыбчивый офицер сел за стол.

— Как это так? — сказал офицер. — Я теряю много времени. Я знакомлюсь с русскими мальчиками. Но эти мальчики оказываются врагами немецкой армии. Они укрывают коммунистов.

Ребята, отвернувшись от офицера, смотрели в стену.

— Но я всегда хотел с вами хорошо разговаривать. Вы скажете, кто из вашей деревни с партизанами связан. Откуда пришли вы сегодня утром, и я прощу вам вашу вину.

Ребята молчали.

— Я понимаю. Вы и я — не очень большие друзья. Но нужно разговаривать. Иначе будет очень плохо.

— Ничего мы не скажем... Всё равно вас всех поубивают. Лучше бей, фашист! — крикнул Коля.

Офицер поморщился.

— Ты грубый мальчик. Тебя надо выпороть. Но я совсем не бью детей. Ганс!.. — он кивнул солдату.

— Слушаюсь, господин штурмбаннфюрер!

Тощий солдат подошёл к ребятам, наотмашь хлестнул Колю по лицу и снова сел. Коля зашатался.

Алик и Маркс, поддерживая Колю, поднялись с места. Они стояли, прислонившись, спиной к стене, и молча смотрели на офицера. Офицер откинулся на спинку стула.

— Взгляни, как они смотрят, Ганс. — Только русские умеют так смотреть. Бог мой, до чего мне надоели эти фанатики!

— Они, кажется, намерены молчать, господин штурмбаннфюрер.

— Скажут. Не сегодня, так завтра. Они ведь всего лишь дети! Принеси кофе, Ганс. Я сегодня чувствую некоторую усталость.

Господин штурмбаннфюрер ошибся. Они не сказали ничего. И после жестоких пыток 7 февраля 1942 года вблизи деревни Костуя, на берегу Белого озера, Альберта

Купшу, Колю Рыжова и Маркса Кротова фашисты расстреляли.

Имена юных героев — Коли Рыжова, Маркса Кротова, Альберта Купши — занесены в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Для этой книжки есть портреты Маркса Кротова, Альберта Купши, но, к сожалению, нет портрета Коли Рыжова. Готовя к выпуску это переиздание, нам пока не удалось найти портрет юного героя.

Обращаемся к красным следопытам: разыщите портрет Коли Рыжова, найдите тех, кто знает или знал героя, может быть, у кого-нибудь сохранилась фотография пионера. Если нам удастся разыскать фотографию Коли Рыжова, то его портрет будет представлен в новом издании.

Володя ЩЕРБАЦЕВИЧ

Какая-то добрая сила отвела от Володиного дома все бомбы! Осколком поранило стены, но дом устоял.

Когда бомбёжка кончилась, на подступах к городу загрохотали орудия врага.

Наши воинские части отошли. Очень много ушло и семей. Вова Борсук, Володин дружок, покинул Минск с матерью и отцом. Деревянный домишко Борсуков на Садовой разнесло в щепки.

А через четыре дня после первой бомбёжки многие ребята уже бегали смотреть на немцев. Володя не пошёл. Лёг на диван, сжался в комок. Так и лежал, пока не примчался Яшка, Володин одноклассник:

— Наших красноармейцев гонят!

Володя выбежал из дому.

...По главной улице шли люди, мало чем похожие на военных. Гимнастёрки без ремней, на головах у многих вместо пилоток грязные, пропитанные кровью повязки.

Вдоль колонны скакал немецкий офицер. Поднял коня на дыбы — над головами пленных взметнулись копыта.

Отшвырнув конвоира, из колонны вышел красноармеец:

— Ты что же это, гад?

Боец успел ударить гитлеровца один лишь раз. Хлопнул выстрел. Красноармеец схватился за живот, чуть постоял, словно приноравливаясь, куда ему лучше упасть.

Рассыпалась дробь автоматов.

Какой-то человек в рабочей кепке схватил Володю за руку и потащил к грудам кирпича.

Колонна ушла под гору. На мостовой остался лежать убитый. Возле него Володя увидел несколько женщин и своего дядю Петра Фёдоровича. Подбежал.

Володин дядя узнал человека, что выходил с его племянником из укрытия: Семён Лукин — металлист с того вагоноремонтного завода, где работал дядя Петя.

— Вот тут гражданки о похоронах толкуют. А товарищ... живой, — сказал Семён Лукич и посмотрел на Володю.

Перевернули бойца на спину.

Переглянулись.

— Мама моя в больнице работает. Она знает, как раненых лечить, — сказал Володя. — Чего вы раздумываете?

— Лети в больницу, Владимир. Объяснишь всё матери. Ключ от квартиры оставь нам, — велел Пётр Фёдорович. *

За перегородкой лежит, мечется в жару тяжелораненый красноармеец. Мать, уходя утром в больницу, предупредила: — Будь осторожен...

«Если солдаты свернут к дому? Запирать дверь не буду, чтобы не вызвать подозрения. Захотят пройти за перегородку — пусть. Там лежит Сергей Фёдорович, мамин брат. Он рабочий железнодорожного узла. У него имеются документы. А лежит он потому, что попал под бомбёжку, ранен в живот осколком. Вот на стуле его разорванная

и окровавленная рубаша. Такие носят железнодорожники».

На лестнице шаги. Это Яшка. У него накопилось немало новостей.

Немцы развесили на улицах приказы. У кого есть радиоприёмники — сдать. Коммунистам и комсомольцам — зарегистрироваться. Какой-то парень кинул ночью немецкого офицера кирпичом по башке. В развалинах медицинского...

Когда Володя слушал про разрушенный медицинский институт, то подумал о лекарстве. Мать сокрушалась — совсем его мало. А там оно должно быть, раз институт медицинский...

Яшка убежал. С кастрюлькой пришла Евгения Фёдоровна, Володина тётя. У него моментально созрел план: «Пусть раненый пообедает, а я тем временем...»

Тёте сказал: пойду, мол, встречу маму. Достал в коридоре из сундука портфель.

Людей на улицах было мало. Только немецкие офицеры прохаживались не спеша.

Володя шёл и успокаивал себя: «Эти скоро будут драпать из нашего города».

Мама с тётей Женей сидели возле стола, на котором был обед.

— Ты с ума сошёл, Владимир! Ничего не сказал. Тётю Женю обманул!

Володя поставил на стол портфель с медикаментами.

Ольга Фёдоровна перебирала коробки:

— Володя, ты сядь, поешь. Потом расскажешь.

— Рассказывать нечего, — Володя на цыпочках направился за перегородку.

— Не ходи туда! Не ходи. Спят... они.

И Володя понял, что командира Красной Армии, лечившегося у мамы, тоже спрятали здесь.

Командир сидит за столом и ковыряется в стареньком, расхлябанном приёмнике. Его принёс ночью Семён Лукич.

Володя знает: настоящее имя командира — Николай Ильич. По паспорту же

он Савельев Григорий Иванович. Документ принадлежал умершему в маминой больнице минскому жителю.

Хотя на военном были штатские брюки и вышитая по вороту рубаша, своей выправкой и манерой говорить он напоминал Володе отца, кадрового командира, погибшего в финскую войну.

Он сразу же предупредил:

— За мной, орёл, ухаживать не надо! Я ходячий.

Время от времени командир ходил на кухню, смачивал там под краном марлевую тряпку и нёс её красноармейцу. Клад на горячий лоб. А боец бессознательно подвигал марлю к шершавым губам и жевал её.

— Пить...

Пить ему, раненному в живот, было нельзя. Ольга Фёдоровна предупредила: «Ни в коем случае! Вода для него смерть».

Если бы заставить говорить приёмник! Пока что в нём тоненький писк, треск. Из-за этого почти не слышно шагов на лестнице...

Одним движением командир сгрёб со стола в наволочку детали и лампы.

В дверях — Ольга Фёдоровна. За ней — сутулый человек в летнем пальто. Небольшая, тронутая сединой борода. Близорукие глаза щурятся и выискивают место, куда можно поставить пузатый чемоданчик.

— Пожалуйста, сюда, Евгений Владимирович. — Мать приняла из рук гостя саквояж, помогла ему раздеться.

Евгений Владимирович достал пенсне, деловито протёр стёкла носовым платком.

Мать вынула из сумки два белых халата — один надела сама, в другой облачила гостя.

И тут-то Володька вспомнил: он несколько раз видел этого человека в больнице. Хирург!

Ольга Фёдоровна увела хирурга за перегородку. Там совещались о чём-то. Потом стало слышно — позвякивают металлические инструменты. Раненый стонал. Володя видел, как мать вынесла таз с окровавленными повязками. В кух-

не она поставила кипятить воду. Проходя мимо командира, шепнула:

— Это — изумительный специалист, профессор.

Часа через полтора профессор вышел из-за перегородки:

— Этот будет жить!

Николай Ильич приспособил к приёмнику наушники. Слушал и пересказывал всё раненому красноармейцу. После операции Терёхину, так назвал себя красноармеец, хотелось поскорее встать.

— Тошно мне, товарищ командир! Там, на фронте, наши хлопцы бьются! Надо идти!

Николай Ильич убеждал: пустая затея! Фронт откатился очень далеко. Догонит разве он, Терёхин, своих? По всем дорогам чужие войска.

— Э-эх! — вздыхал Терёхин. — Разве же нас учили отступать? У меня, товарищ командир, душа в крови.

Нередко Николай Ильич с Терёхиным просиживали всю ночь.

И всю ночь не спал Володя.

За перегородкой шёл тихий разговор...

Сегодня день рождения мамы. Первым пришёл поздравить именинницу её брат Пётр Фёдорович. Вскоре постучали дядя Иван с тётей Женей. Не успели сесть за стол — снова настойчивый стук.

Все насторожились!

В комнату шагнул Семён Лукич. Ему обрадовались: свой человек!

Ольга Фёдоровна взяла вазочку с вареньем, грустно улыбнулась:

— Сегодня мой день. Всё правильно... Если «они» поинтересуются, я покажу свой паспорт. Давно не собирались мы вот так, все вместе. Есть о чём потолковать...

Володя сидел на койке рядом с Терёхиным. Все слушали Ольгу Фёдоровну. Говорила она о том, что в здании политехнического института — госпиталь и в нём томятся наши, умирают от ран. Есть в госпитале надёжные санитарки и медсёстры.

— Помогут нам организовать побег, — закончила Ольга Фёдоровна.

Из-за стола поднялся Семён Лукич. Волнуясь, рассказал о каком-то смельчаке, который сколотил небольшой вооружённый отряд. Скрывается этот отряд где-то под Минском, в лесных чащобах. Два раза обстреляли на тракте вражескую мотопехоту.

— На мой взгляд, тех командиров из госпиталя можно переправить в лесной лагерь.

Поднялся и Пётр Фёдорович. — Допускаю... С территории госпиталя пленных удастся вывести. А дальше? Очутились люди в городе... Да по одной их одежде всякий узнает беглецов. Выходит, выведем людей под вражеские автоматы!

— Знаете, какой в госпитале рацион? сказал Иван. — Не умрёшь, но и не побежишь.

— Разрешите, товарищ командир? — с постели привстал Терёхин. — Дайте я пойду. Раненых выводить надо.

Командир откашлялся, одёрнул косоворотку:

— Освобождение военнопленных считаю для всех нас главной задачей!..

Было как на военном совете. Николай Ильич говорил о тщательной подготовке. Что значит «содействовать побегу»? У командиров должны быть документы, гражданская одежда. Да и подкормить их нужно.

Идёшь по родному городу и всё время настороже — отовсюду гитлеровцы.

Мама, Николай Ильич доверяют Володе многое. Он уже знает адреса людей, у которых прячутся такие же, как красноармеец Терёхин или Николай Ильич. Ходил Володя по городским окраинам и тихо стучался в окна домов. Стоило ему произнести несколько условных фраз, и сразу же кто-нибудь выносил узелок. В нём — одежда для раненых.

Вовка Борсук, одноклассник, тоже помогал. Ему с матерью так и не удалось уйти от немцев, вернулись в город к родственникам.

Володя догадывался, что у Семёна Лукича, унесшего исправленный радио приёмник, печатают военные сводки. Дядя Ваня, шофёр, готовит специальный грузовик, а Надежда Фёдоровна добывает какие-то накладные. По ним с хлебозавода можно получить муку. Может, она уже и получена. Может, из неё испекли хлеб и тайком переправили в госпиталь, чтобы подкормить раненых?

Поздно ночью намечен побег военнопленных.

С узлом одежды Володя ждал их в условленном месте, возле старого деревянного моста. С реки надвигался холодный туман. Всё вокруг сливалось в чёрные и серые пятна. Время словно остановилось.

Но вот справа из-за кустов тихий голос позвал: «Сюда, товарищи!» Мелькнули пригнувшиеся к земле человеческие тени. Володя бросился из своего укрытия им навстречу.

— Заждался? — услышал он голос Петра Фёдоровича. — Давай, Владимир. Времени у нас в обрез.

Володя развязал узел, и раненые стали переодеваться. Военное обмундирование полетело в ночную реку. Всё! Пора уходить. Пётр Фёдорович исчезает первым. Раненых ведёт Володя.

Впервые Володя командует, да ещё взрослыми, военными людьми. Шепчет: «Ложись!» — и оба раненых припадают к земле.

Тот, что с палкой, проворнее. Второй, натываясь на что-нибудь, не выдерживает и стонет. — Поднимайтесь! — мальчик произносит это почти без звука, одними губами.

До дома они добрались, когда забрезжило утро. Раненых накормили, уложили в постель.

Часа через два в коридоре хлопнула дверь. Затопали тяжёлые шаги. Потом... Володе показалось, полпошатнулся. У порога стоял немец, обер-лейтенант. По-

дойдя к столу, он взял лампу, поднял её повыше, чтобы лучше видеть.

Теперь на обер-лейтенанта падал свет, можно было различить даже въевшуюся в его лицо металлическую пыль. Семён Лукич!

— Пора, товарищи! — коротко сказал он.

Через несколько минут в комнате уже не было ни Терёхина, ни командира, ни «обер-лейтенанта». Остались раненые, которых Володя привёл нынешней ночью: они ещё не могли перенести трудную дорогу в лес. Ольга Фёдоровна с сыном стояли у окна. Они видели внизу, на мостовой, грузовик. В кузове было человек двенадцать. Возле самых бортов — вооружённые «Немецкие солдаты». Один поднял вверх голову... Володя узнал Петра Фёдоровича.

«Обер-лейтенант» вывел из подъезда Николая Ильича с Терёхиным, велел садиться в машину.

Некоторое время дядя Петя и Семён Лукич о чём-то советовались. Потом «обер-лейтенант» сорвался с места, побежал в подъезд.

Володя выскочил на лестницу встретить Семёна Лукича. А он, ничего не говоря, прошёл в комнату. Мать, изумлённая, ждала его у порога. «Обер-лейтенант» о чём-то быстро говорил, мельком поглядывая на Володю. Вот и мать посмотрела. Так обычно глядят, когда провожают близкого человека. Мать сходила на кухню, принесла оттуда небольшой свёрток. Сняла с вешалки вельветовую куртку, подошла к Володе.

— Тебе, сынок, необходимо... с ними. — Она поцеловала сына, поправила шарф на шее.

...Город ещё спал. Но теперь, казалось, грузовик разбудит всех: он скрипел, лязгал, тархтел.

При выезде из города грузовик затормозил, и Володя увидел впереди на дороге солдат с автоматами.

Со стороны деревянного строения приближался к машине гитлеровский офицер. Подошёл, взял протянутую из окошка кабины бумагу.

Сидящий в кабине «обер-лейтенант» запасся всеми нужными справками: людей везёт, мобилизованных на лесозаготовки.

Просмотрев документы, немец крикнул что-то солдатам, и они отошли в сторону.

Грузовик долго ехал вдоль реки. Остановился.

Семён Лукич объяснил задачу: все разбиваются на две группы и разными маршрутами пробираются в Логойский лесной массив. У первой за проводника будет Пётр Фёдорович. Вторую возглавит он, Семён Лукич. — Ты пойдёшь с Фёдорычем, Владимир, — сказал Семён Лукич. — Дорогу запоминай. Пригодится.

В группу Петра Фёдоровича попали красноармеец Терёхин с Николаем Ильичём.

— Пошли!

...Тропа ныряет в лесную чащу. Здесь золотисто-зелёный сумрак.

Лес кончился, и в лицо подуло полевым жаром. Пыль хрустит на зубах. Будет ли когда конец этой дороге?..

Семеро обессиленных людей ступают на деревенскую улицу. Солнце уже садится, и его розовые лучи бьют прямо в лицо.

Подошли к хате, ничем не выделявшейся среди десятка других. Володьке врезался в память взлохмаченный старик — хозяин, вышедший к путникам. Пригласил всех к себе. Дед определённо поджидал гостей. После того как люди поели, передохнули, он прошамкал:

— Пойдёмте...

Пётр Фёдорович сказал племяннику:

— Теперь народ поведёт старик, а нам можно и назад. Запомни дедову хату.

Первыми подошли к Володе Николай Ильич и Терёхин. По очереди обняли его. Их глаза блестели на тёмных от пыли лицах. Володя смотрел в эти глаза, и ему хотелось сказать что-нибудь значительное. А из груди вырвался только вздох и обыкновенное «до свидания».

...Дорога к дому казалась гораздо длиннее. Володя спешил. Спешил, чтобы сказать матери: «Прошли наши. Прошли! На свободе они!»

В сентябре внезапно начались облавы, а в домах минчан скрывалось ещё много раненых, бежавших из плена.

Теперь отправляться в лесную деревню, к партизанам, Володе и раненым было намного опаснее. У лесных троп — фашистские засады, по сёлам рыщут полицаи, а на выходах из города — усиленные заставы. Однажды Володя нарвался на засаду, осколок гранаты задел плечо. Но что значит эта царапина по сравнению с теми мучениями, которые переносит раненый Игнатюк? Всё тело его — сплошная рана.

Лейтенанта, Рудзянко его фамилия, уже несколько дней назад забрала к себе тётя Женья.

В один из вечеров к Ольге Фёдоровне пришёл Пётр Фёдорович, торопливо сказал:

— Взяли Семёна Лукича! Лётчика я должен сегодня от вас переправить, а лейтенант пойдёт в лес. Медлить нель-

зя. Раз уж арестовали одного из нашей группы — значит, фашисты напали на след.

Пётр Фёдорович подошёл к Володе, положил ему руку на плечо:

— Лейтенанта поведёшь ты, Владимир. Возьми! — и отдал племяннику свой пистолет.

На улице темень, ветер, холодный дождь. Реку в центре города переходили по тому мосту, под которым Володька поджидал когда-то бежавших из плена.

Володя старался идти рядом с лейтенантом, но тот сильно припадал на одну ногу, отставал.

Как только булыжник кончился, идти стало совсем трудно: ноги разъезжались на скользкой траве.

— Товарищ лейтенант! — позвал Володя далеко отставшего попутчика. — Сейчас хорошая дорога пойдёт. Ждал: должен был уже появиться твёрдый проезжий большак у лесной опушки.

Рудзянко ковылял уже в двух метрах и неожиданно сделался белым, словно обсыпанным мукой. Попал в яркий свет направленного на него фонаря.

Рядом с ним — солдат в пилотке. Хлопает раненого по бокам, шарит в его карманах.

Володька выхватил из-за пазухи пистолет. — Ложись! — крикнул лейтенанту и одновременно выстрелил несколько раз в сторону света. Упал, прижимаясь к мокрой траве.

Рядом разорвалась граната, ударило чем-то тупым в бок. Но Володька мог ползти. Пистолет был в руке. Пополз к укрывшемуся в чаще безоружному лейтенанту.

— К дороге будем пробиваться, — сказал Володя, — пока не начало светать...

— Не могу... к дороге, — едва слышно проговорил Рудзянко. — Не могу я, рана... не даёт. «Как же теперь? Ползком? До деревни, где живёт дед-проводник, можно добраться дня за три. Однако днём не поползёшь: остановят».

Володя впервые почувствовал, как жжёт в боку. «Значит, ранен». Потрогал рану, она была горячая на ощупь, даже сквозь куртку.

«Раненого лейтенанта может, пожалуй, спрятать у себя Вовка Борсук, — подумал Володя. — И живёт он на окраине. Если долго не раздумывать, хватит этой ночи, чтобы возвратится в город».

Шли через ржаное поле. Да и просто просёлком, прикрываясь туманом.

Немцы полосовали фонарями тёмные окраинные улочки. В такие минуты важно было не растеряться. Володька тащил лейтенанта в укромное место — Рудзянко совсем обессилел.

Самые трудные — последние шаги. Их было сделано немало, пока Володька не постучал в калитку. Скрипнула дверь.

— Ты, Вовка?

— Гена! За углом раненый, — проговорил с трудом Володька, и тут силы оставили его.

В доме на Коммунистической теперь только один раненый — Володя.

Он боялся, что мама будет ругать его, как ругала раньше за синяки или шишки, добытые в мальчишеских играх-сражениях. Нет, не ругала. Ольгу Фёдоровну успокоило то, что рана у сына была всё же не страшная. Опять повезло.

— Я заштопаю тебе куртку, сынок, сказала Ольга Фёдоровна, возвратившись как-то от дяди Пети.

Мать села, положила на колени вельветовую куртку, разорванную осколком гранаты, и тихо сказала:

— Будем, сынок, пробираться вместе. К фронту.

...Шли полевой тропой — Володя с мамой и лейтенант Рудзянко.

Нога у лейтенанта ещё не зажила, однако, ступал он твёрдо.

Володе хотелось: пусть бы рядом был и тот человек, что возглавил переднюю группу. Мать сказала — майор.

Майора и ещё двоих, идущих с ним, можно было видеть только издалека. У них — маршрутная карта.

Хотелось пройти побольше за день, да путался в ногах вереск — высокая и жёсткая трава.

Под вечер выбрались, наконец, к дороге.

— Из какой деревни будешь, отец? — поинтересовался лейтенант у крестьянина.

— Здешние мы, — донеслось сверху.

Далеко впереди разразились автоматные выстрелы.

— Прячьтесь! — крикнул крестьянин и стеганул вожжами лошадь.

Лейтенант первым сиганул в березняк у обочины. Володя упал прямо на дорогу. Дышал в пыль. Приподнял голову. Мама стоит на середине дороги, смотрит в ту сторону, куда умчался воз с сеном. Володя подбежал к маме, и она тотчас же оттащила его в придорожный кустарник.

Лейтенант затаился. Его не было слышно.

Стемнело. Володя с матерью до боли в глазах всматривались в серую грядку деревенских хат. На дороге заскрипели колёса. Из темноты выплыли силуэты лошади и человека, сидящего на пустой телеге.

Телега остановилась:

— Эй! Есть тут кто? — голос был знакомый: звал мужик, вёзший недавно сено. — Чуете вы, люди? В селе немцы! Ваших троих они ухлопали... Уходите!

Уже стояла ночь.

Мама показала Володе на сосну у обочины. Он должен находиться напротив неё, в кустарнике.

— Мы скоро вернёмся...

Ольга Фёдоровна не сомневалась, что найдёт хоть кого-нибудь из командиров.

Она долго не возвращалась.

Среди ночи Володя встал, отыскал глазами дерево. До сосны оставалось несколько шагов, когда темноту разорвали вспышки выстрелов.

— Ни с места! — рявкнул кто-то простуженным голосом.

К нему приближались полицаи, щёлкая винтовочными затворами...

...Допросы и пытки, пытки и допросы. Болит всё тело, знобит, нет сил подняться с холодного каменного пола.

— За что это они тебя так? Чего ты таишь от них? — настойчиво допытывался старик, который сидит в камере вместе с Володей.

Володя молчит. Он понимает, что на следующем допросе будет ещё труднее. Потеряв сознание, можно и проговориться.

«У нас разбомбило дом. Я жил на Садовой, — повторяет про себя Володя. — Я пробирался домой. Меня остановили...»

— Ты шёл не один. С тобой были командиры Красной Армии. Они бежали из плена, и ты, Владимир Щербацевич, должен был переправить их, — говорит

гестаповский офицер. Он стоит на фоне широкого светлого окна.

— Рассказывай!

— О чём?

— О подполье.

— Я не знаю, что это такое.

— Хорошо, мы объясним. Подполье твой дом на Коммунистической улице. Там скрывались советские военнопленные. Их прятали вы с матерью...

Володя чувствовал, как слабеют ноги. Кто же это всё рассказал?

Голова гестаповца вяло покачивается, потом разбухает, увеличивается. И вот уже не голова, а что-то непонятное, огромное движется Володе навстречу.

— Будешь говорить?..

...По голове за воротник рубахи стекает ледяная вода, и резко пахнет нашатырным спиртом.

— Мы из тебя вытянем!

«Значит, молчал,— мелькнуло в сознании Володи.— Молчал!» — Стало сразу легче дышать.

Дверь в стене бесшумно раздвигается, и в кабинет входит офицер.

Следователь отдаёт ему короткое распоряжение.

Через несколько минут в комнату вводят Ольгу Фёдоровну.

— Узнаёшь? — голос следователя доносится откуда-то издалека.— Подойди к своей матери. Ты что, оглох?

Володе очень трудно смотреть маме в глаза и говорить, что не знает её, не встречал.

Но он говорит и угадывает по маминому лицу, что поступает правильно.

Теперь гестаповец обращается к Ольге Фёдоровне, и Володя слышит тихий мамин голос:

— Мне... не знаком этот мальчик.

Ввели какого-то человека. «Рудзянко?!»

— Вы являетесь командиром Красной Армии? — спрашивает его гестаповец.

— Да, — отвечает заключённый.

Володя вздрогнул. Он слышит, как лейтенант называет имена тех, кто недав-

но его лечил, пытался вывести к фронту. Но это уже какой-то другой человек, незнакомый, неизвестный.

Если бы можно было вот сейчас же наброситься на него! Но надо сдерживать себя. Пусть предатель утверждает, что в кабинете следователя находятся сейчас мать и сын Щербацевичи, — «главные деятели подпольной группы». Володя же отвечает:

— Я на Коммунистической никого не знаю.

Ольга Фёдоровна говорит то же самое: не знаком ей ни мальчик, ни лейтенант. Из соседней комнаты вышли двое. Они взяли Володю под руки. Он не сопротивлялся, боясь, как бы вместо него не схватили маму. Но она сама стала просить солдат, чтобы оставили ребёнка, и, если надо, пусть возьмут её.

— Ты будешь стоять. И смотреть! — слышит в ответ Ольга Фёдоровна.

Слышит это и Володя. Его бросают на высокий топчан из жердей. Что-то очень тяжёлое обрушивается на поясницу...

Свет померк, и, конечно, Володя не мог слышать, как кричал гестаповец. Он порывисто влетел в кабинет следователя, чтобы сказать ему: «Вы недоучка! Не можете допросить ребёнка!»

Побелевший следователь почтительно вытянулся перед своим начальником.

Гестаповец протянул ему портсигар и уже примирительно посоветовал:

— Посадите в камеру к этому... нашего агента.

Следователь доложил, что такой агент уже сидит в камере.

Крестьянин дремлет в углу. По коридору протопал кто-то, разбудил бородача. Он некоторое время моргал, глядя на мальчишку. Проворно вскочил, поклонился.

— С выздоровлением тебя! Сейчас ужинать будем.

Направился к двери, забарабанил по ней кулаками. В коридоре раздались сердитые крики.

— Не ори,— спокойно проговорил дед.— Ты лучше еды тащи. Человек три дня ничего не ел. За все три подавай, скотина!

Тюремщики принесли котелок щей, хлеба...

К концу дня Володя уже мог сам подняться с койки и, держась за стену, пройти несколько шагов.

— Ты бы поспал, — посоветовал старик. — Ночь уж скоро. А там и утро. Копи силы, сынок. Пригодятся.

Дед знал: завтра вот этого мальчишку немцы поведут на казнь. В последний раз пройдёт он по городу, где родился и где вырос...

Пусть бы не приходило утро! Ничего радостного не предвещало оно и самому крестьянину. Следовательно ждёт от него сведений, которых не смог вытянуть из мальчишки за двадцать дней пыток!

Старику обещана лошадь, новая хата, деньги. Пусть войдёт только в доверие к этому маленькому большевику. Пусть узнает нужные имена, адреса и то место, где расположена партизанская база.

Завтра старик разведёт перед гестаповцами руками...

Володя долго беспокойно метался во сне, бредил. К концу ночи спал хорошо.

А в коридоре уже топали солдаты...

26 октября 1941 года гитлеровцы повесили Володю и его маму.

К месту казни оккупанты согнали жителей, чтобы устроить их. А из толпы неслось гневное: «Не простим!»

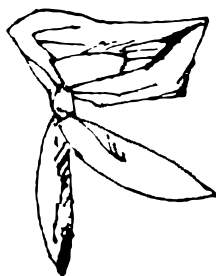
Ни одного дня не чувствовали фашисты себя хозяевами в Минске. Гремели взрывы, выстрелы — то бились с захватчиками герои-подпольщики.

Всё, что стало известно о юном патриоте Володе Щербацевиче, — результат долгого и настойчивого труда поисковой группы «Подвиг» из школы № 30 города Минска.

В поиске принимали участие пионеры: Саша Азаров, Вова Глазунов, Алла Коман и другие.

Поиск был начат со снимка Володи в момент казни, найденного ребятами у людей, очевидцев гибели отважного пионера.

СТРАНИЧКА ДЛЯ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ (альбом-выставка)

Выпуск II

Георгий Александрович Дубинский

Юрий Томин

Вячеслав Николаевич Морозов

Рисунки худ. В. Л. Гальдяева

Обложка худ. В. П. Маркина

АРКАША КАМАНИН

АЛЬБЕРТ КУПША

МАРКС КРОТОВ

КОЛЯ РЫЖОВ

ВОЛОДЯ ЩЕРБАЦЕВИЧ

Редактор О. С. Лебедев

Художественный редактор Г. Г. Коптелова

Технический редактор Е. В. Соколова

Корректоры С. С. Бланкштейн, Н. С. Пьянкова, Н. А. Шадрина

Сдано в производство 23.2.73 г. Подписано к печати 5.7.74 г.

Бумага офис. № 1 60×90 1/8. Печ. л. 4. Уч. — изд. л. 2,38

Тираж 100 000. Заказ № 19. Изд. № 636. Л 57971

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»

**Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли**

Московский комбинат игрушек

**Российского государственного промышленного хозрасчетного
объединения по производству игрушек «Росигрушка»**

Министерства легкой промышленности РСФСР

Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28